

БИБЛИОТЕКА

ПУШКИНА-

ДРАМАТУРГА

С. ДУРЫЛИН

Последняя квартира Пушкина—ныне музей его имени. Ленинград, Мойка, д. 12

«Достаточно бегло просмотреть сочинения Пушкина, чтобы отметить, что в его стихах, повестях, драмах отразились едва ли не все страны и эпохи, по крайней мере связанные со современной культурой»¹. Эти слова В. Я. Брюсова приложимы и к библиотеке Пушкина². Она дошла до нас в далеком не полном составе, но и те полторы слишком тысячи названий, которые значатся в дошедшем до нас остатке пушкинской библиотеки, свидетельствуют о необыкновенно разносторонних интересах Пушкина-читателя. Когда умирающий Пушкин, обратив глаза на свою библиотеку, произнес: «Прощайте, друзья!»—он прощался поистине с многочисленными друзьями из разных стран, народов, веков. Эти друзья были соучастниками его творческих «трудов и дней». Просматривая каталог пушкинской библиотеки, не трудно выделить оттуда случайных гостей, зашедших туда по собственному почину (таковы, напр. подаренные экземпляры от разных более или менее неизвестных авторов), от постоянных ее обитателей, получивших в ней место по воле хозяина. Целые отделы библиотеки рождались в творческой работе Пушкина—поэта, повествователя, критика, историка, журналиста. Легко, например, выделить на особую полку книги, потребовавшиеся Пушкину для занятий «Историей Петра I» и «Историей Пугачева».

Одна из самых интересных полок пушкинской библиотеки—это та, на которой стоят книги Пушкина-драматурга. Состав и библиографический инвентарь ее наводят на глубокие размышления.

Изучая каталог этой библиотеки, и тем более листая книгу за книгой, видишь, какую великою добросовестностью отмечен труд Пушкина-драматурга.

Пушкин, создавая *Годунова*, не скрывал, что его трагедия представляет «опыт преобразования нашей сцены» (наброски предисловия к *Борису Годунову*, 1829). Но этот «опыт преобразования нашей сцены», отменявший целые столетия былой драматургической практики, ломавший до основания устой аристократической трагедии XVII—XVIII веков, развенчивавший старых прославленных драматургов, Пушкин обосновал на самом пристальном и обстоятельном изучении векового опыта старого театра.

Пользуясь книгами из библиотеки Пушкина, можно век за веком, страна за страной, познакомиться с тысячелетней историей мировой драматургии. Пушкину было мало древне-греческих истоков современной драматургии: он интересовался театром Индии—в числе его книг находим «Собрание лучших произведений индийского театра» во французском переводе А. Ланглеза («Chefs-d'œuvre du Théâtre indien», Paris, 1888) и отдельное французское издание жемчужины индий-

ской драмы—*Сакунталы* Калидасы (*Sacountala ou l'anneau fatal*), Paris, 1803).

Древне-греческий театр представлен в библиотеке Пушкина-драматурга обширным тринадцатитомным изданием (около 6400 страниц текста)—«Театр греков» (*Théâtre des grecs*, par le P. Brumoy. Nouvelle édition... augmentée de la traduction entière des Pièces grecques dont il n'existe que le extraits, Paris, 1785—1789).

Это издание давало полный свод всех известных в конце XVIII века трагедий и комедий древне-греческих авторов, включая и те, от которых сохранились только отрывки. Пушкин, таким образом, был знаком с древне-греческим театром во всем его объеме, известном археологам и филологам конца XVIII века (издание П. Брюмуа сопровождалось примечаниями, составленными членами академии надписей). У Пушкина имелось и отдельное издание комедий Аристофана, этого праотца европейской комедии (*Comédies grecques d'Aristophane*, A. Altenbourg, 1762).

Три главенствующих драматурга древне-римского театра—Сенека, Плавт и Теренций—заняли место на драматургической полке Пушкина полными собраниями сочинений (15 томов из серии «Латинско-французской библиотеки», Париж, 1830—1835 годы).

Из итальянских драматургов в библиотеке Пушкина сохранилось собрание сочинений Н. Маккиавелли, автора знаменитой комедии *Манрогора* (во французском переводе), три тома «Трагедий» Витторлио Альфieri в подлиннике (издание 1825 года) и его трактат «О государе и о литературе». Работая над *Борисом Годуновым*, Пушкин упрекнул Альфieri в половинчатости его драматической реформы: «Нет ничего бесполезнее мелких поправок к общепринятым правилам: Альфieri отлично понял, как смешны речи «в сторону»; он их уничтожает, но зато удлиняет монологи и думает, что произвел переворот в системе трагедии. Какое ребячество!» Пушкин перевел монолог из трагедии Альфieri *Филипп II*.

Испанский театр представлен на книжной полке Пушкина собранием сочинений Кальдерона в подлиннике. В своей статье «О драме» (1830) Пушкин писал о «недостижимой высоте его произведений», которые, как и произведения Шекспира и Расина, «составляют вечный предмет наших изучений и восторгов». Классические немецкие драматурги имелись у Пушкина в переводах А. А. Шишкова—«Избранный немецкий театр» (4 тома, 1831), издание которого осуществилось благодаря участию Пушкина.

Главный наставник Пушкина-драматурга—Шекспир—имелся у его великого ученика в оригинале (лейпцигское однотомное издание 1824 г.) и во французском переводе под редакцией Гизо (13 томов, Париж, 1827).

„Безумный день или женитьба Фигаро“. Дят. П. Издание Ф. О. 4, Париж, 1828 г. Из личной библиотеки А. С. Пушкина. Академия наук СССР. Пушкинский дом. Ленинград

французские поэты наших дней». Но, следя с большим интересом за романтической реформой Гюго-драматурга, Пушкин мало удивлен был ее результатами. Кромвеля он называл «одним из самых нелепых произведений Гюго», находя драму «скучной и чудовищной» (1836, «О Мильтоне»), но в то же время Пушкин защищал Гюго от нападок русских литературных ста-

В. Гюго Драмы. „Лукреция Борджиа“. Изд. Рандуэль, 1833 г., Париж. Из личной библиотеки А. С. Пушкина

игранных итальянскими актерами короля в течение всего времени их службы. Париж 1717».

Прошлое русского театра было не менее ярко отражено в библиотеке Пушкина. Сумароков, Ломоносов, Державин, Княжнин, Фонвизин, Озеров были представлены в «Полных собраниях сочинений». На полках Пушкина находились все 48 частей в 22 томах «Российского Феатра или полного собрания всех российских театральных сочинений, изданных в Петербурге при Академии наук» в 1786—1794 годах.

Полный интерес к прошлому театра, Пушкин весь был в борьбе за театр настоящего — за победу над ложно-классиками, за установление театра, основанного, по его выражению, на «истине страстей и правдоподобии чувствований». Вот почему он читал и хранил в своей библиотеке новинки русского и европейского театра. Наряду с первым изданием *Горе от ума* в его библиотеке стояла комедия актера В. А. Каратыгина *Двое за четверых*, «Сочинения» неоклассика Катенина умещались подле драмы официального лжеромантика Кукольника *Скопин Шуйский*; на той же полке стояли трагедии Хомякова, Розена, Погодина, комедии Квитки, Кюхельбекера, Э. Перцева и др.

Современные Пушкину драматурги Западной Европы представляли не менее полно: Александр Дюма, Скриб, Галеви, Мериме, Пикар, Мелльвилль, Бонжур, — все они имели различный, но несомненный интерес для Пушкина-драматурга. В его библиотеке большое место занимают новинки парижской сцены 1824—26 годов.

Но, судя по библиотечному инвентарю, Гюго более всех интересует Пушкина. Пять драм Гюго стояли у него на полке. Из них ценен он более других *Эрнани*: «Это одно из современных произведений, которое прочел я с наибольшим удовольствием», писал он в 1830 году. — «Гюго и Сент Бев бесспорно единственные

роверов, обороняя его право выбирать практические сюжеты, подобные сюжету *Лукреции Борджиа* (1836, «Мнение Лобанова о духе словесности»).

Краткий обзор сохранившейся части библиотеки Пушкина-драматурга⁵ показывает, что автор *Бориса Годунова*, зачинатель новой русской драмы, прокладывал новое русло для своей драматургии, исходя из огромного руслу мировой драматургии всех веков и народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валерий Брюсов. *Мой Пушкин*. М. 1929, стр. 269.

2. Все данные о библиотеке Пушкина извлечены из работы Б. Л. Модзалевского — «Библиотека А. С. Пушкина» («Пушкин и его современник», вып. IX—X, СПб. 1910).

3. Труды Я. К. Грота, том V, стр. 16.

4. Большие потери этой библиотеки несомненны. Так, в ней нет «Ревизора», вышедшего отдельным изданием в 1836 году.

5. Пушкина интересовали, между прочим, те европейские драматурги современники, которые разрабатывали темы, сходные с его собственными. В его библиотеке хранится *Мистерия в пяти действиях* Александра Дюма, *Дон Жуан де Маранья* (Paris, 1836) и трагедия Леона Галеви — «Царь Дмитрий» (Paris, 1829) — параллельные пушкинским *Камennomu гостю* и *Борису Годунову*.